

Н.И. Надеждин

"Новоселье"

Оригинал здесь -- <http://www.philolog.ru/filolog/writer/nadejdin.htm>

Надеждин Н.И. Литературная критика. Эстетика. - М., 1972.

Так называется собрание разных мелких сочинений и отрывков, в прозе и стихах, принесенное именитейшими литераторами нашими на новоселье почтенному книгопродавцу А. Ф. Смирдину. Не хотим назвать это собрание альманахом, именем слишком затасканным у поденщиков и афеней нашей словесности. Оно отличается от обыкновенных альманахов даже форматом, прекрасным и величественным *in octavo* {в восьмую долю бумажного листа (*лат.*)}. -- *Ред.*}, на манер французских изданий. Виньетки и картинки, коими оно украшено, если не могут сравниться изяществом и отделкою с иностранными, по крайней мере подписаны именами лучших наших художников. Коротко сказать, сие издание представляет в себе как будто сокращенное выражение наших литературных средств и успехов, венец нашей библиографии, для которого все искусства, прикосновенные к словесности, соединили свои усилия. И в сей точке зрения намерены мы рассмотреть сие любопытное явление, дабы оправдать наши понятия о настоящем состоянии русской литературы и утвердиться в надеждах на будущность.

Первоначально заметим, что литераторы, из сочинений коих составлено сие издание, все почти петербургские, за исключением г. Погодина, который принадлежит Москве, и г. Хомякова, которого также никак не уступим мы Петербургу. Родовые права Москвы на Жуковского и кн. Вяземского могут еще подвергаться спору от их долговременного пребывания в Петербурге, которое, если не совсем изгладило, по крайней мере позатерло на них печать московскую. Что ни говори петербургские наши собратия, мы откровенно скажем и готовы доказать, что древняя столица русская и в литературе, так же как во всех чертах своей физиономии, отличается резко от младшей северной своей сестры.

От головы до пяток

На всех московских есть особый отпечаток.

Это выражение Фамусова заключает в себе сколько едкой, иронической насмешки, столько, с другой стороны, похвалы истинной, глубоко-значительной. Будем говорить здесь только об литературе. Произведения московской словесности, конечно, не сравняются с петербургскими ни изяществом типографического исполнения, ни даже опрятностью и чистотою стилистики. Там печатается почти все на прекрасной, тонкой лилейной петергофской бумаге, по которой глаза разбегаются; здесь в простоте сердца довольствуются рыхлою, толстою серяною, коей вероломным цветом едва не поглощаются рыжие чернила. Там шрифты беспрестанно совершенствуются в изяществе формы и отделки; здесь, напротив, продолжают стереотипно, как бы хвастаясь увечьем, приобретенною долгою службою. Там корректура не пропустит ни одного *i* без точки, ни одного *й* без краткой, даже смело вводит в употребление старинное славянское твердо с одною ножкою, вместо обыкновенного трояшки, дабы предотвратить всякое смещение *т* с *ш*, столь соблазнительное для наборщиков и оскорбительное для читателей; здесь, если внимательно проверить иную книгу, то опечатки составили бы обширное к ней прибавление. Наконец, самый язык, надзираемый ортопедическим заведением русской грамматики, с давних времен существующим при "Северной пчеле" и "Сыне отечества", в петербургских изделиях представляется большею частью гладким, вылощенным, затянутым строго во все синтаксические формы и даже паркетные приличия; между тем как у нас в Москве -- скажем с болезненным вздохом -- так часто является растрепанным, нечесанным, неумытым, во всем беспорядке грамматической анархии! Что делать! Таить грехов не можем и не смеем, особенно после тех громогласных, небратских изобличений, коими петербургская журналистика, во время оно, преследовала московскую книжную производительность в лице самого "Телеграфа"! Но литература, как и все человеческое, имеет тело и душу: следовательно, должна быть судима по качествам телесным, наружным, бросающимся в глаза, и по качествам душевным, внутренним, отзывающимся в уме и в сердце. Относительно телесного, наружного убранства, мы охотно смиряемся пред петербургскими нашими собратиями: пусть же будут они справедливы и к нам в свою очередь!.. Конечно, наши московские изделия по большей части не так гладки, но зато и не пусты, как петербургские, где часто скользишь, как по паркету, не спотыкаясь ни на свежей мысли, ни на глубоком чувстве... Не будем хвалить сами себя, но отнесемся к публике, которая, по